

В. Ф. БУЛГАКОВ
В СПОРЕ С ТОЛСТЫМ
НА ВЕСАХ ЖИЗНИ



Валентин Булгаков

**В споре с Толстым.
На весах жизни**

Издательство «Кучково поле»

2014

Булгаков В. Ф.

В споре с Толстым. На весах жизни / В. Ф. Булгаков —
Издательство «Кучково поле», 2014

ISBN 978-5-9950-0361-8

В этом издании представлены: философская работа В. Ф. Булгакова «В споре с Толстым: На весах жизни», написанная в 1932–1964 годах, полная переписка автора с Л. Н. Толстым и С. А. Толстой и письма канадских духоборцев к В. Ф. Булгакову. Значительная часть этого уникального материала (кроме писем Л. Н. Толстого и С. А. Толстой к Булгакову) публикуется впервые. Особый интерес вызывает многолетняя полемика Булгакова с Толстым, обостряющаяся во время его высылки из России в 1923 г. в Прагу, а также по возвращении в Советский Союз в 1948 г. и пребывании в Ясной Поляне до самой его кончины в 1966 г. Книга будет интересна как литературоведам, так и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9950-0361-8

© Булгаков В. Ф., 2014

© Издательство «Кучково поле», 2014

Содержание

От редактора	6
«В споре с Толстым» и переписка В. Ф. Булгакова	8
Часть I	22
I. Нерушимое	23
II. Дух и материя	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валентин Федорович Булгаков

В споре с Толстым. На весах жизни

Slavic Research Group at the University of Ottawa (Группа славянских исследований при Оттавском университете)

Российский государственный архив литературы и искусства

Государственный музей Л. Н. Толстого

От редактора

В настоящем издании представлены следующие материалы: произведение «В споре с Толстым: На весах жизни», полная переписка В. Ф. Булгакова с Л. Н. Толстым и С. А. Толстой, письма канадских духоворцев к В. Ф. Булгакову. Значительная часть всего этого уникального материала (кроме писем Л. Н. Толстого и С. А. Толстой к Булгакову) печатается впервые, по подлинникам, хранящимся в РГАЛИ, в фонде В. Ф. Булгакова (Ф. 2226), и в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого¹.

Особенно важна полемика Булгакова с Толстым, обостряющаяся во время его высылки из России в 1923 г. в Прагу, а также по возвращении в Советский Союз в 1948 г. и пребывании в Ясной Поляне до самой его кончины в 1966 г. Булгаков спорил с Толстым, отрицавшим материальную сторону жизни, спорил по поводу цели самосовершенствования. Толстой предлагал стремиться к недостижимому идеалу, Булгаков считал это препятствием, отрывающим человека от конкретной почвы. Он спорит с отрицанием Толстым науки и искусства, с его философскими и религиозными взглядами, с отстаиваемой Толстым идеей о ненужности государства.

В книгу включены также письма Булгакова к Толстому, представляющие большой интерес для изучения личности молодого будущего секретаря, столь уважающего своего учителя. См., например, письмо от 6 ноября 1909 г., в котором Булгаков просит Толстого ответить на ряд вопросов, касающихся его рукописи «Христианская этика: систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого», и письмо от 16 сентября 1909 г., в котором он извещает Толстого об отказе самарского крестьянина-молоканина А. И. Кудрина (1884–1916) от воинской повинности и посылает ему рассказ последнего, записанный Булгаковым со слов Кудрина.

Письма С. А. Толстой, большей частью опубликованные в книге В. Ф. Булгакова «О Толстом. Воспоминания и рассказы»², были вновь сверены с оригиналами, неточности исправлены, восстановлены пропущенные места, включены новонайденные письма, а также письма к ней В. Ф. Булгакова, остававшиеся до сих пор не опубликованными. Письма сопровождаются комментариями – все это представляет уникальную возможность последовательного наблюдения за ходом рассуждений двух близких людей о жгучих вопросах дня и раскрывает тонкости характеров обоих корреспондентов.

Ряд писем канадских духоворцев, относящихся к 1930-м, 1950-м и 1960-м гг., включены в данное издание (ответных писем В. Ф. Булгакова нет, хотя в письме Махортова к Булгакову от 10 февраля 1962 г., как и в некоторых более ранних, есть указания о полученных письмах от последнего: «Также я передал ваше письмо для печати в нашу “Искру”, чтобы люди получили ваш привет и поклон»), чтобы хоть частично указать на громадный авторитет, которым пользовался Булгаков у духоворцев, не только как близкий друг Л. Н. Толстого и автор, написавший прочувствованный очерк о них, но и как человек, всю свою жизнь питавший большое уважение к их мировоззрению и образу их жизни, будучи сам, как и они, изгнан со своей Родины.

Издание также содержит вступительную статью редактора и обширный комментарий.

До некоторой степени предлагаемая работа является продолжением исследования творчества В. Ф. Булгакова, предпринятого в предыдущей книге «Как прожита жизнь. Воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого».

Воспоминания В. Ф. Булгакова, секретаря Л. Н. Толстого в 1910 г., написаны в 1946–1961 гг. Этот объемный труд (26 частей) так до сих пор не опубликован целиком. В нем прослежен весь жизненный путь В. Ф. Булгакова, включая описание его детства в Сибири, учебы в Московском университете, жизни в Ясной Поляне в последний год жизни Толстого, работы хранителем Толстовского музея, общения с семьей великого писателя и его последователями,

высылки из Советской России на «философском пароходе» в 1922 г., жизни в эмиграции, создания им Русского музея в Праге, пребывания в гитлеровских концлагерях, возвращения в 1948 г. в СССР и работы в Музее Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. В издании «Как прожита жизнь...» напечатаны 5 избранных частей, имеющих отношение к Толстому и охватывающих события 1910 г. и последующих лет перед высылкой В. Ф. Булгакова за границу в 1923 г.

За предоставленный ценный материал выражаю глубокую благодарность директору Российского государственного архива литературы и искусства Т. М. Горяевой, директору Государственного музея Л. Н. Толстого Н. А. Калининой, библиографу В. С. Бастрыкиной. Искренне благодарю заведующую Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН, д. ф. н. М. И. Щербакову за многолетнюю дружбу, безвозмездную поддержку и советы. С канадской стороны: Джона Вудсворта и Светлану Асташкину за их помощь в оформлении текста.

За моральную и финансовую помощь выражаю признательность Оттавскому университету, Канадскому Совету по исследованиям в области социальных и гуманитарных наук (SSHRC), а также генеральному директору издательства «Кучково поле» Г. Э. Кучкову.

А. А. Донсков, д. ф. н.,

действительный член Канадского королевского общества, заслуженный профессор Оттавского университета (Канада)

«В споре с Толстым» и переписка В. Ф. Булгакова

В. Ф. Булгаков посвятил Толстому и толстоведению практически всю свою жизнь. Проработав несколько лет в Ясной Поляне, он в 1916 году встал во главе музея Толстого в Москве. При этом Булгаков не прекращал участвовать в распространении толстовских идей ненасилия и был самым активным образом вовлечен в движение сторонников мира (как в Российской империи, а затем в Советской России, так и на международной арене). В период Первой мировой войны это привело к аресту его царской полицией, а в послереволюционный период – к высылке советскими властями из СССР в 1923 году за границу (в Прагу), где он продолжал писать и публиковать работы о Толстом. Булгаков возвратился в СССР в 1948 году и вновь оказался в своей любимой Ясной Поляне, где проработал до выхода на пенсию (1959) и затем остался жить до самой смерти в 1966 году.

Очень важно, что Булгаков, глубоко уважая Толстого как человека и мыслителя и преклоняясь перед его художественным талантом (в свою очередь он также пользовался уважением и благосклонностью яснополянского старца в период их личного знакомства), сумел сохранить и проявить замечательную объективность в оценке этого великого человека и не утратил свободы собственного мнения. Хотя подобные качества представляются совершенно естественными и даже обязательными для исследователя, следует помнить, что они были необычными (и даже непринятыми) в среде ближайших почитателей Толстого. Здесь снова можно говорить об уникальности положения Булгакова, что определяет его значимость как исследователя жизни, идей и творчества Толстого, а также позволяет вынести заключение о масштабе его собственной личности.

Именно в годы вынужденной эмиграции Булгаков начинает работать над двумя рукописями, которые являются предметом нашего исследования. Это монументальный труд воспоминаний «Как прожита жизнь», который уже частично опубликован нами, как упоминалось выше, и философская работа «В споре с Толстым: На весах жизни»³, которая предлагается читателю и ученым для дальнейшего, более исчерпывающего анализа. Булгаков работал над этой рукописью с 1932 по 1964 год.

В первой главе «Нерушимое» он (отчасти, вероятно, надеясь опубликовать книгу и отдавая должное советской идеологии, но, несомненно, и в качестве отражения собственных раздумий) действительно спорит со многими важнейшими идеями своего учителя. Вот как он оправдывает свою позицию: «Книга эта возникла в результате долгого внутреннего спора со Львом Толстым-мыслителем, влияние которого глубоко было пережито автором. Оно не изжито им и теперь; то благотворное, что было в этом влиянии, остается. Пути души увели, однако, автора от одностороннего спиритуализма и индивидуализма к более реалистическому, а в то же время и более гармоническому, «приемлющему мир», общественному жизнепониманию»⁴.

Эту работу, как, впрочем, и его предыдущие труды, отличает присущая автору объективность суждений. В то же время она свидетельствует о его постепенном отходе от наиболее радикальных положений мировоззрения Толстого, которые иногда, даже в молодые годы, вызывали у него сомнения. Особенно скептически относился Булгаков к преувеличению необходимости духовного самосовершенствования и акцентированию этой стороны жизни в ущерб материальным потребностям человека. Такая позиция виделась Булгакову как прискорбный отрыв личности от твердых земных корней. Он оспаривал высказывавшееся порой Толстым утверждение, что зло заключается лишь в самом человеке, придерживаясь мнения, что следует уделять более серьезное внимание негативной роли проблем, наблюдаемых в социальной сфере и в сфере общественного устройства. В противоположность Толстому Булгаков считал,

что роль государства – пресекать порочные действия членов социума, признавал реальную опасность анархии.

Булгакова влекло к Толстому, которого он трактовал скорее как религиозного писателя, а не как резонерствующего моралиста. Учение Толстого он находил разумным, свободным от шелухи неправдоподобного чудотворчества, «необычайно стройным и последовательным». В главе «Нерушимое» («В споре с Толстым: На весах жизни»), незадолго до своей смерти, он бросит ретроспективный взгляд на свое прежнее мировосприятие и на дарованное ему Толстым избавление от разочарованности и нравственной растерянности: «...в детстве – чистая православная вера, в 15–16 лет, до поступления в университет, полоса безверия, в университете – увлечение философией, не принесшей удовлетворения душе». «Обманутый в своих ожиданиях и официальной религией, я был как человек, брошенный на дно пропасти, перед которым убрали сначала одну, а потом и другую лестницу, сулившую ему надежду на спасение, и которому оставалось только впасть в полное отчаяние. Из этого положения вывел меня Л. Н. Толстой, показавший мне новый путь: путь религии разумной, религии, отказавшейся от суеверия, от всяких произвольных метафизических построений, от обожествления Иисуса, от храмов, обрядности, церковной организации и всякого культа. И отойдя сейчас во многом от Толстого, я этого основного пути – разумно-религиозного пути – не покидаю до сих пор»⁵.

Булгаков приводит толстовское высказывание, которое считает самым точным определением религии: «Религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека отношение его к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его с этой бесконечностью и руководит его поступками»⁶.

Во второй главе «Дух и материя» Булгаков спорит с Толстым, отрицавшим материальную сторону жизни. «Соглашаясь с Л. Н. Толстым в определении религиозной стороны жизни, – пишет Булгаков, – я расхожусь с ним по целому ряду вопросов как личного, так и общественно-государственного и культурного строительства.

Корни расхождений уходят в различную оценку значения и взаимоотношений духовной и материальной стороны человеческой личности, человеческого существования».

И далее: «Можно требовать напряжения духа и преобладания его над телесным началом в нашей жизни, но нельзя утверждать, как это делают Л. Н. Толстой, его последователь философ П. П. Николаев и др., что существует *только духовное* (!), а телесное является едва ли не плодом лишь нашего воображения.

Во всем этом есть не только какое-то неуважение к человеку, но и к существующему независимо от нашей воли мировому порядку. В этом есть также упорная и систематическая, хотя, может быть, не столько безнравственная, сколько болезненная ложь самому себе: воспитание себя в таком духе, чтобы уметь видеть – и не видеть, – видеть и не видеть того, что ясно каждому мальчику: что духовная жизнь в нас развивается в постоянной взаимозависимости с телесной и что мы – не только духовные, но и телесные существа»⁷.

Булгаков настаивает на том, что духовное и телесное в природе всего живого не существуют отдельно одно от другого. Они представляют только разные стороны одного и того же явления... Нельзя воспитывать духовное, пренебрегая телесным. И наоборот. Только гармоническое развитие духовного и телесного дает идеальное воплощение человека.

В главе «Нормы совершенствования» Булгаков спорит как с теми, кто считает, что «зло скрывается не в человеке, а в обществе», так и с теми, которые, как Толстой и церковь, уверены, что «зло скрывается не в обществе, а в человеке». Он утверждает, что зло присутствует как в обществе, так и в человеке, и нашей обязанностью является заниматься и личным самосовершенствованием, и последовательной борьбой с общественным злом. «Нельзя не поддерживать толстовских призывов к самосовершенствованию, – говорит Булгаков, – но нельзя тут же не оговориться, что неверен был взгляд самого Толстого на самосовершенствование как на *единое*

средство, единый путь достижения лучшей жизни для всего общества, путь, освобождающий человека от обязанности участия в общекультурной, государственной и общественной жизни, борьбе и работе. Участие это неизбежно»⁸. Далее Булгаков возражает Толстому по поводу границ и конечных целей самосовершенствования: «Захваченный спиритуализмом и ненавистью к плоти, Л. Н. Толстой-философ присовокупил к заповеди о самосовершенствовании своеобразное учение о стремлении к так называемому *недостижимому идеалу*. Учения этого я не разделяю. Более того, я считаю его скорее препятствием, чем помощью в деле самосовершенствования, поскольку оно отрывает человека от конкретной почвы и весь вопрос о самосовершенствовании переносит из практической в отвлеченную, рассудочную область»⁹.

Булгаков согласен, что идеал должен быть, но, по его мнению, не типа монашеского идеала отречения от мира, а живой, разумный и доступный. Кстати, что касается «недостижимого идеала», идеи Булгакова очень близки идеям Н. Н. Страхова, который писал Толстому в 1894 году: «Теперь я удивляюсь тому, что Вы так часто забываете неодолимые потребности людей. “Дела человеческие должны уступать делу Божию, – пишете Вы мне, – в вопросах личной жизни каждого”. О, без сомнения! Вы держитесь верного пути – личного совершенствования, и эта правильность Вашего хода всегда меня восхищала. Но Вы не замечаете, как Вы поглощены Вашею внутреннею работою и предлагаете людям то, чего они принять не способны. *Отвержение всякой собственной воли* – вот ведь к чему сводится все направление; а это отвержение есть отречение от жизни; а от жизни люди отказаться не могут. Жизнь требует спокойных, твердых форм, требует простора для желаний, требует труда и отдыха, забавы и восторга... да Вы все это отлично знаете, все это сказано в Ваших сочинениях. Жизнь избегает усилий сознания и напряжения воли. Между тем Вы с Вашею вечно горящею душою предлагаете людям также вечно усиливаться и напрягаться. Они не могут делать того, что Вы делаете. Они часто охотно жертвуют *жизнью и достоянием*, как пишут, в порыве патриотизма, но ограничивать себя и размышлять они не могут. Они хотят жить и верить, действовать и бороться, а не исследовать и углубляться в себя.

Простите, бесценный Лев Николаевич, я, кажется, пишу бессвязно и неясно. Мне хотелось прийти к тому, что противоречие “человеческим делам” не может иметь общего успеха. Оно может занимать отдельные лица, может наполнять их жизнь, но его нельзя предложить как ежедневную пищу для всех. А если отнять этот контраст с окружающим миром, то большею частью жизнь окажется лишенною всякого интереса. Поэтому интересы, которыми задаются люди, нельзя легко откидывать, да они и не дадут себя откинуть. На них положено много труда. Бедное человечество тяжко билось, чтобы найти тот бок, на котором лежать не очень больно, чтобы найти какую-нибудь пищу для своих неумолкающих стремлений, создать предметы, для которых стоит жить и умирать. Плоха медицина – но разве откажутся когда-нибудь люди искать средство против болезней? Плохо государство; но разве перестанут люди составлять эти безмерные союзы, чтобы общими силами единою волею действовать для своих целей?»¹⁰

В главе «Мужчина и женщина», как, впрочем, и в других вопросах, Булгаков признает, что отстаивает психофизическую, а не духовную и не материальную только точки зрения на сущность отношений между мужчиной и женщиной.

«Брак великое дело, – говорит Булгаков. – Брак рождается из любви. Любовь – это огонь, зажигаемый небесными сферами в душе человека, это – главное выражение всей его духовно-материальной сущности. Высшая ступень, на которую человек поднимается в жизни. Основная жизненная задача. Источник воли и счастья. Победа над эгоизмом и себялюбием»¹¹.

Булгаков утверждает, что любви только духовной и любви только плотской не бывает. Существо человеческое – едино. Любовь – целостное его выражение. Поэтому оба его элемента – и духовный, и плотский – в ней соприисутствуют.

Булгаков настаивает, что «физическое общение является естественным завершением глубокого чувства любви. Это – последняя мыслимая интимность в отношениях любящих, акт исчерпывающего доверия, теснейшего сближения, взаимного проникновения не только физического, но и душевного, когда *ты* превращается в я, когда два я сливаются в одно. Это – кульминационный пункт, апогей любви, венчающий ее, доставляющий высшее счастье любящим. И не чувственная сторона здесь – главное, а именно этот пафос взаимности, это сознание полного слияния, последней близости с любимым существом»¹².

Булгаков считает, что Л. Н. Толстому удалось в 1890-е и 1900-е годы и своими религиозно-философскими и моральными сочинениями, и напугавшей в те годы повестью «Крейцерова соната» привлечь особое внимание общества к вопросам взаимоотношения полов, брака и целомудрия. «Поразило главное, что прославленный писатель заявил себя противником всякого полового общения между мужчиной и женщиной и защитником полного целомудрия». Булгаков спорит с доводами Толстого. Разбирая «Крейцерову сонату», он не видит в ней «сокрушающего удара по положительной оценке брака и половой жизни вообще. В этой повести дан совершенно конкретный, индивидуальный, отдельный случай испорченного с детства, в высшей степени неуравновешенного в нервном отношении и развращенного мужчины, Позднышева, человека, лишенного не только духовного взгляда на жизнь, но и вообще каких бы то ни было признаков того или иного устойчивого, самостоятельного мирозерцания»¹³.

Булгаков продолжает спорить с Толстым в остальных главах своего эссе. В пятой главе – с отрицанием Толстым науки и искусства, основываясь на анализе толстовского отношения к пьесам Шекспира, в частности, к драме «Король Лир», а также к Чехову и к некоторым аспектам музыки и архитектуры.

В главе «Государство» Булгаков спорит со взглядами Толстого о ненужности государства. Полагает, что людская злая стихия должна обуздываться государством. «Анархистам следует считаться с истиной, отмеченной еще Вл. Соловьевым и гласящей, что государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад. Вот чего не учитывал я в своей молодости, идя за Л. Н. Толстым»¹⁴.

Булгаков выражает восхищение советским государством: вся глава посвящена преимуществам социалистической системы. Конечно, тут, с одной стороны, уступка идеологии того времени, но с другой – искреннее чувство к стремительно развивавшейся послевоенной России. Говоря о бедности крестьян в Ясной Поляне, Булгаков вспоминает, как Масарик, будучи в гостях у Толстого, зашел в крестьянскую избу и при виде крайней нищеты заплакал. В этой нищете Булгаков винит толстовское мировоззрение, не требовавшее «действий».

В предпоследней главе «Summum bonum», посвященной вопросу о счастье, Булгаков снова возвращается к Толстому. «Для того, чтобы наверное быть счастливым, – говорит Л. Н. Толстой, – надо только одно: люби, люби всех – и добрых, и злых. Люби не переставая, и не переставая будешь счастлив».

Булгаков удивляется этому убеждению, что человеку больше ничего не надо. Что довольно любви ко всем, и добрым, и злым, для постоянного, не переставшего счастья. Он цитирует Толстого: «Мы не знаем и не можем знать, для чего мы живем. И потому нельзя бы было нам знать, что нам делать и чего не делать, если бы у нас не было желания блага. Это желание верно указывает нам, что надо делать, *если только мы понимаем свою жизнь не как животное, а как душу в теле* (подчеркнуто мною. – В. Б.). И это самое благо, какого желает наша душа, и дано нам в любви»¹⁵.

«Таким образом, – продолжает Булгаков – мы видим, что высшее благо или счастье, заключающееся в любви ко всем, возможно при одном условии: если мы понимаем свою жизнь не как животное, т. е. если мы игнорируем требования своего тела, или если понимаем жизнь как “душу в теле”, но при этом опять-таки отталкивая, как ненужное или даже враждебное

начало, наше тело и отдавая все внимание своему духовному существу, душе. Иначе говоря, в этом, основном воззрении Л. Н. Толстого на сущность “высшего блага” или счастья торжествует опять-таки *спиритуализм* и не подарено ни одного сочувствующего или снисходительного взгляда половине нашего “я”, нашему телесному существу»¹⁶.

Примером прекрасной, гармоничной и по-настоящему счастливой семейной жизни для Булгакова является семейная жизнь любимого Толстым великого композитора Иоганна Себастиана Баха, которую он описывает несколько длинно и утомительно.

В последней, короткой главе «Смена поколений» Булгаков пишет о естественности, благодати всего круговорота жизни, о принятии предстоящего нам как неизбежного и естественного. Страх смерти быть не должно, как нет его среди людей, которые не жили только для себя. «“Жить одному... И умирать одному...” Этот мотив часто повторяется в дневниках Л. Н. Толстого за последние годы. И хоть он и связан у него с религиозным чувством, с покорностью высшей воле, но все же веет от него глубокой грустью и безнадежностью.

...Сейчас мне в первый раз пришло в голову, что у Льва Николаевича, когда он оставался один, оттого иной раз такая тоска была на душе (см. его дневники за последние годы), что он не победил до конца так мучившего его всю жизнь страха смерти, а не победил он страха смерти потому, что был индивидуалистом и что все его мирозерцание было чисто индивидуалистическое. Родину он променял на человечество, человечество было слишком далеко, отвлеченно, своей “церкви” или “партии” он не основал и не хотел основывать, и даже с кружком ближайших своих друзей и единомышленников никакими узами зависимости связан не был и не стремился к такой связи, с семьей разошелся, – великой скалой, но скалой в пустыне возвышалась его фигура»¹⁷.

И последнее напутствие своим читателям: «Нет, нет! Не одному жить и умирать. Напротив: и жить, и умирать надо с людьми, на людях. И да оправдается, хоть и в более глубоком смысле, старая поговорка о том, что “на людях и смерть красна”».

* * *

На протяжении всей своей жизни Булгаков вел обширную переписку с широким кругом корреспондентов, среди которых можно назвать имена М. И. Цветаевой, Н. К. Рериха, Р. Роллана, А. Эйнштейна и многих других выдающихся деятелей культуры XX столетия.

Существует также входящий в данную работу небольшой обмен письмами с Л. Н. Толстым, обширная переписка с С. А. Толстой. Переписывался Булгаков и с канадскими духовборцами, общине которых Толстой помог эмигрировать из Закавказья в Канаду в 1899 году.

Булгаков приобрел огромный опыт в эпистолярном жанре, работая секретарем Толстого в 1910 году¹⁸. Преклонный возраст, занятость литературной и социальной деятельностью заставляли Толстого все более полагаться на Булгакова, чтобы успевать отвечать на бесконечный поток писем. Позднее, в 1911 году, вышло в свет «Жизнепонимание Л. Н. Толстого в письмах его секретаря»¹⁹, куда были включены письма, написанные Булгаковым по поручению Толстого. В книгу вошли следующие главы: 1. Необходимость религии; 2. Бог; 3. Назначение и смысл жизни; 4. Труд; 5. Отношения мужчины и женщины; 6. Наука и образование; 7. Общественная и политическая деятельность; 8. О влиянии на других; 9. Нравственное усилие²⁰.

Письма, составившие эту книгу, были написаны Булгаковым по поручению Толстого в ответ на запросы обращавшихся к нему лиц с января по октябрь 1910 года. Эти письма представляют интерес как с точки зрения уточнения деталей биографии Толстого, так и для лучшего понимания его мировоззрения. Кроме того, они показывают, насколько верно молодой секретарь понимал мысли великого писателя и сколь его собственное мировоззрение было созвучно толстовскому. Важно помнить, что Толстой читал и редактировал эти письма. Ко

многим из них сделаны такие приписки: «В. Ф. Булгаков совершенно верно выразил то самое, что я хотел и мог сказать вам. Очень рад буду, если вы согласитесь с нами». В части «Ясная Поляна» книги «Как прожита жизнь» Булгаков пишет о своей помощи Толстому в ведении корреспонденции: «Кроме технической помощи в работе над новыми, не изданными еще выпусками книги “На каждый день” и над книгой “Путь жизни”, Л. Н. Толстой постоянно передавал мне письма его корреспондентов для ответа. Вскрывал и читал полученные письма он всегда сам, так что никакие “секретари” между великим человеком и народом не стояли. Но отвечал сам – просто по недостатку времени и сил – не на все письма. Иногда он коротенько помечал на конверте, что именно я должен ответить на данное письмо, а по большей части не писал ничего, или только коротко: “В. Ф., ответьте”. Стало быть, отвечать надо было самостоятельно, начиная лишь письмо обычной формулой, составленной Толстым: “Лев Николаевич поручил мне, как близкому ему по взглядам человеку, ответить на ваше письмо”. Все мои ответы Лев Николаевич, однако, перед отсылкой предварительно прочитывал, и я, бывало, трепетал душевно, особенно на первых порах, предъявляя Льву Николаевичу свои произведения для контроля. Но великий писатель был судьей снисходительным и обычно одобрял все, что я писал, изредка, разве, рекомендуя сделать ту или иную вставку или то или иное изменение в тексте ответа.

Проверял Лев Николаевич написанное мной обыкновенно вечером, приходя для этого в мою комнату, так называемую ремингтонную (потому что Александра Львовна и В. М. Феокритова писали здесь на “ремингтонах”), и усаживаясь рядом со мною на старый, плоский и твердый клеенчатый диван, стоявший перед моим письменным столом. На этом диване я днем писал, а ночью спал»²¹.

Читателю предлагается эта небольшая переписка: всего 10 писем Булгакова к Толстому и 5 коротеньких – Толстого к Булгакову, как и письма, собранные в книге «Жизнепонимание Л. Н. Толстого в письмах его секретаря». Булгаков предстает здесь серьезным, любознательным и трудолюбивым молодым человеком. В первом письме к Толстому от 29 октября 1900 года, написанном в возрасте 14 лет, он умоляет Толстого прислать ему «Ваш неоцененный автограф». Годом позднее, в письме от 11 сентября 1901 года (из которого мы узнаем, что он прочел «Войну и мир» и «Анну Каренину»), Булгаков интересуется мнением Толстого о недавно созданной им и двумя его соучениками по Томской гимназии группе «Общество силы воли», ставящей цель «выработать из себя людей крепких волею, энергичных и деятельных».

Два наиболее интересных и содержательных его письма к Толстому:

а) письмо от 16 апреля 1909 года, в котором Булгаков просит у Толстого совета по некоторым вопросам, относящимся к его сочинению под названием «Христианская этика», «которое должно представлять систематическое изложение Вашего (и моего) мировоззрения». Он включает в письмо и описание своего труда, а также ряд вопросов к Толстому, в которых обнаруживается исключительно интеллектуально одаренный человек.

б) письмо к Толстому от 16 сентября 1910 года и прилагаемый к нему рассказ А. И. Кудрина²², записанный Булгаковым со слов последнего об его отказе от воинской повинности, который Толстой считал исключительно интересным (см. его письмо к Булгакову от 20 сентября 1910 г.).

Как указано выше, письма Толстого очень короткие, по большей части деловые, содержащие указания и просьбы что-то сделать.

* * *

Переписка Булгакова и С. А. Толстой обширна и существенна²³. Она включает 56 писем Булгакова к С. А. Толстой и 35 обратных, написанных между 1911 и 1918 годами.

Как указывает Булгаков, большинство из них были присланы ему из Ясной Поляны в Москву, где он работал вначале помощником хранителя, а затем – заведующим музеем Л. Н. Толстого. Некоторые письма адресованы на его родину в Томск, а также – на Кавказ и в Тульскую тюрьму, где он находился в заключении (1914–1915) за распространение воззвания против войны. Некоторые письма отправлены С. А. Толстой из Крыма, из имения мужа дочери в Кочетах или из Петербурга.

Отношения двух авторов писем, хотя временами и несколько напряженные, отличаются сдержанностью, а со временем перерастают в настоящую дружбу. Приводимый ниже отрывок характеризует самого Булгакова как порядочного, сострадательного человека, верного друга и объективного свидетеля: «В течение всего времени десятилетнего знакомства с С. А. Толстой, с 1909 по 1919 год, я пользовался ее добрым расположением и, в свою очередь, платил ей искренней привязанностью. Мне внушали уважение ее прямота и правдивость, ее любовь к Толстому, любовь к искусству вообще и к музыке и литературе в частности, любовь к детям, любовь к природе. Положению Софьи Андреевны в 1910 году я особенно сочувствовал, видя не всегда справедливое и часто некорректное отношение к ней со стороны представителей сплоченного “чертковского” кружка близких Л. Н. Толстого. Последние “не ведали, что творили”, раздражая подругу жизни великого Толстого и тем безмерно осложняя его собственное положение.

С. А. Толстая бывала иногда тяжела в общении, но это не могло быть мотивом неуважительного отношения к ней. Ведь сорок восемь лет, как она пишет в первом письме ко мне, она прожила с своим мужем и была “самым близким человеком” для него»²⁴.

В свою очередь, ряд писем Софьи Андреевны, адресованных Булгакову, свидетельствует о глубоком уважении и симпатии, которые она питала к нему. Вот, например, фрагменты письма Булгакову от 11 июня 1911 года, в котором она убеждает его занять пост в музее Л. Н. Толстого для работы над рукописями ее мужа:

«О вас, к которому я всегда относилась с симпатией, я много думала. Если вы будете жить в деревне и работать на земле, – вас это не удовлетворит. Вы человек одаренный, вы пишете хорошо и думаете хорошо. Вам надо, хотя со временем, приютиться к какому-нибудь умственному центру. Хорошо бы, когда-нибудь, любя Льва Николаевича и его память, пристроиться при правительственном Музее для разработки рукописей и всяких работ покойного. Это, впрочем, *моя* мечта, а у всякого своя жизнь; и я от души желаю вам всякого успеха и радости. Пишите мне иногда, особенно при перемене адреса. Мой всегда будет *Засека*. Жму вашу руку, как всегда, с дружелюбием и доверием к вашему сердцу.

С. Толстая

На ваши письма всегда буду отвечать тотчас же»²⁵.

Значительно позднее, в своей книге «Как прожита жизнь», в главе «Еще и еще о Ясной Поляне», Булгаков вспоминает:

«“На ваши письма всегда буду отвечать тотчас же, – писала мне С. А. Толстая еще в 1911 году в Томск. – Жму вашу руку, как всегда, с дружелюбием и доверием к вашему сердцу”. И этот теплый, дружеский тон оставался и во всех последующих письмах ее ко мне.

Трогательно для меня сейчас перебирать эти письма и констатировать снова и снова, что все же мы с Софьей Андреевной были не чужие, – нет, больше того! – мы были, несмотря ни на что, близки, связаны взаимной симпатией, известной долей взаимопонимания и общей горячей любовью, хоть, может быть, и не во всем одинаковой, ко Льву Николаевичу.

Если я не жил в Ясной Поляне, то мы всегда, хотя бы изредка, обменивались письмами с Софьей Андреевной, делясь «новостями» и переживаниями. Софья Андреевна писала мне, когда я уезжал погостить к матери в Томск. Писала, уезжая сама на время из Ясной Поляны –

то в Крым, то в Кочеты к Татьяне Львовне, то в Петербург к Кузминским, и оставляя меня “за хозяина” в доме. Писал и я ей подробно, и обоим нам эта переписка зачем-то была нужна; оба мы, – она – старуха-аристократка, и я, молодой человек без определенных занятий, – зачем-то были друг другу нужны. В 68 лет пробегаю я страницы старых писем вдовы Льва Николаевича, и у меня становится тепло на сердце»²⁶.

Прежде чем приступить к разбору некоторых черт, характерных для переписки Булгакова с С. А. Толстой, надо упомянуть о следующем: письма личного характера особенно ценны своей искренностью и верностью событиям. Эти качества не всегда характерны для мемуарной литературы. Письма адресованы конкретным лицам, с которыми ведется диалог. Разумеется, если говорить об эпистолярном искусстве вообще, встречаются письма, преследующие цель скрыть или обойти молчанием какой-либо факт, но это совершенно несвойственно данной переписке. Напротив, будучи адресованы близкому другу, эти письма отличаются откровенностью. В них также присутствует дух свободы и естественности, что, как и истинный дух *конкретного* момента, не только отражает личность каждого автора, но дает возможность понять их эмоциональное и духовное состояние – их глубинный, присущий только им взгляд на жизнь и на искусство, проследить за их взаимным влиянием как в творческом, так и в личном плане.

Булгаков, действительно, подтверждает эти слова, подводя итоги их переписки много лет спустя:

«Я не побоялся привести здесь несколько отрывков из писем вдовы Толстого. Подлинные документы имеют иногда неотразимую прелесть и убедительность. Мне хотелось, чтобы с этих страниц прозвучал голос самой Софьи Андреевны. Читатель видит, как прост, непритязателен и человечен этот голос, как нескладно было делать из Софьи Андреевны демона (неблагодарная работа В. Г. Черткова). На самом деле это был живой, сердечный, открытый, друживший со счастьем и много страдавший человек, человек, знавший жизнь и понимавший людей, человек с обычными человеческими достоинствами и недостатками, такой, как вы и как я, не требовавший для себя лично от жизни слишком много, ревниво охранявший благополучие семьи, однако – привязанный к ней не одними только материальными узами, женщина, ревниво хранившая память о муже-гении, радовавшаяся детям, природе, искусству».

Читателя может также заинтересовать оценка, данная Булгаковым письмам С. А. Толстой (в 1956 г.)²⁷:

«В письмах Софьи Андреевны ко мне чувствуются еще не зажившие раны, причиненные престарелой женщине уходом Толстого из дома и его неожиданной кончиной. Трогают выражения глубокого покаянного чувства подруги жизни великого человека, не сумевшей подняться до его уровня. Передаются подробности о проведении в жизнь завещательных распоряжений Толстого и о судьбе его наследия. Рассказывается о занятиях Софьи Андреевны и о быте Ясной Поляны в первые годы после смерти Толстого, даются характеристики детей Толстых.

В письмах проявляется также постоянная забота С. А. Толстой о детях, о внуках, внимание к гостям – как к родственникам, так и к знакомым и незнакомым. Не может не быть оценена готовность Софьи Андреевны лично показывать дом и рассказывать о Толстом десяткам и сотням туристов.

Трогает забота о слугах: о престарелой пенсионерке-няне, о поваре. Мать и бабушка, действительно, занята была гораздо больше судьбами своего домашнего круга, чем своей собственной судьбой.

Обращает внимание исключительная любовь Софьи Андреевны к Ясной Поляне и твердое желание ее содействовать сохранению дома и усадьбы, как памятников русской культуры.

Конечно, в личности и в характере Софьи Андреевны, как у всякого человека, соседствовали и положительные, и отрицательные черты. Идеализировать ее образ не нужно. Из тех же писем не трудно сделать заключение об известной узости ее умственного кругозора, ограниченного в значительной степени семейными и материальными интересами, о непонимании смысла совершавшихся в 1917 г. социальных перемен, о неутраченной вражде к В. Г. Черткову и т. д. И, однако, образ этот все же кажется далеким от того, который дает тот же Чертков в своей книге «Уход Толстого».

Говорю это не столько с целью *защитить* Софию Андреевну (хотя и такую задачу я считал бы вполне уместной), сколько для того, чтобы поставить вопрос о *более полном и объективном освещении ее внутреннего облика, ее личности и значения ее в жизни Л. Н. Толстого*.

Письма ко мне написаны человеком живым, культурным, много страдавшим, «глубоко, долго и сильно» любившим Льва Толстого, бывшим ему верной женой, матерью его тринадцати детей и пронесшим любовь к великому человеку через всю жизнь, а после его смерти служившим, поскольку позволяли силы, его памяти.

История не может не быть снисходительной к подруге жизни Льва Толстого...»²⁸

Письма Булгакова к С. А. Толстой являются, как правило, ответами на ее просьбы, касающиеся наследия ее мужа. Они дают читателю представление об отношениях этих двух людей между собой, а также – с их современниками, но, главным образом, об их тесном сотрудничестве в вопросах распространения трудов Л. Н. Толстого, сохранения его архива и работы Булгакова по описанию его библиотеки. Толстой и отношение корреспондентов к нему являются связующей нитью всей их переписки.

Наряду с этим затрагиваются и широкий круг жгучих социальных проблем, характеристики разных персоналий, вопросы милитаризма, воинской повинности, истинного значения свободы.

В то время как важность вклада С. А. Толстой в работу ее мужа и ее собственный вклад в русскую культуру были в последние несколько лет хорошо документированы²⁹, наследие Булгакова до сих пор еще недостаточно хорошо изучено. В частности, ценная информация содержится в его многочисленных письмах к знакомым литераторам и государственным деятелям. В том числе, несомненно, также – и в его переписки с С. А. Толстой. Эти письма представляют собой перспективный и в значительной степени пока еще нетронутый источник и могут пролить дополнительный свет на содержание печатных трудов Булгакова. Необходимо всестороннее изучение того, что станет первой всеобъемлющей критической биографией Булгакова, возможно, в течение следующих нескольких лет. В 2016 году исполняется 50 лет со дня смерти Валентина Федоровича Булгакова (13 (25) ноября 1886, Кузнецк, Томская губерния – 22 сентября 1966, Ясная Поляна).

* * *

«Это было осенью... 1908 года. У меня кончились всякие сомнения по поводу университетского вопроса: выход из университета был предreshен. Но, в связи с этим, меня занимала мысль: *чем же я заменю себе университет?* каким родом труда и каким образом жизни? и как смогу я продолжать свое дальнейшее, уже вполне самостоятельное, образование, которого я вовсе не хотел прерывать с выходом из университета?

В то же время я уже был осведомлен не только об основах учения Толстого, но и о развитии свободно-религиозного движения в России вообще, и, в частности, о духоборческом движении (главным образом, из литературы «Посредника»). Мне представилось, что, в сущности, только у духоборов, на всей земле, налицо более совершенная жизнь, жизнь трудовая, сво-

бодная от рабства церкви, государству и капиталу. Я сам стремился именно к такой жизни, – почему же бы мне не примкнуть именно к духоборам? Уйти в народ, на простую, трудовую жизнь стало моей неотвязной мечтой по ознакомлении с писаниями Толстого, а тут – как раз такая часть этого народа, с которой мы не только не разойдемся, но вполне сойдемся и сольемся в своих лучших и наиболее возвышенных стремлениях. К духоборам, к духоборам!.. В Америку!.. [так.]³⁰

Но только вот вопрос, – рассуждал я: смогу ли я, работая у духоборов, заниматься наукой? От этого я не собирался отрекаться, – значит, моя будущая, трудовая жизнь должна была быть построена так, чтобы у меня оставалось какое-то время для научных занятий. “Это и будет наиболее совершенный образ жизни, – думал я: в соединении интеллектуального и физического труда”. *На этих условиях* я готов был ехать в Америку хоть завтра же. Идея лучшей, новой, здоровой, прекрасной жизни, к которой я мог перейти от своей сомнительной и часто жалкой, полной заблуждений и греха, не связанной с телесным трудом, а, следовательно, уже по одному этому ненормальной жизни, – идея эта настолько захватила меня и при том казалась настолько простой и осуществимой, что вот... думалось мне... стоит лишь протянуть руку, чтобы овладеть этой новой, прекрасной жизнью! И я без колебаний решился “протянуть руку” и отправиться в Америку».

Булгаков собирался говорить об этом Толстому, но Н. Н. Гусев посчитал его намерение необоснованным, заявив:

«...что ехать к духоборам мне совсем не нужно, потому что они – люди своеобразные, с особым, своеобразным укладом жизни, для чужого человека неприемлемым и непонятным; в свою среду они никого со стороны не принимают, а потому мне надо устраиваться в *русской деревне*. Что же касается “занятий наукой”, то нечего и говорить, что они несовместимы с земельным трудом...»

История показывает, что Н. Н. Гусев был неправ в своей оценке духоборцев. Во многих письмах к Булгакову мы видим их глубокую благодарность ему за помощь, приглашения приехать в Канаду и остаться с ними, не говоря уже о его длинной статье «Духоборцы»³¹, рассказывающей об их истории, преследовании со стороны Российского правительства и Церкви, проблемах с канадскими властями и населением после их эмиграции.

Широкому кругу читателей может быть интересным отношение Толстого к секте, суть которой была хорошо известна Булгакову и повлияла на его собственные взгляды.

Сравнительно поздно, когда большинство его основных работ по социальным и религиозным вопросам было уже написано, Толстой узнал о нарастающих гонениях на духоборцев со стороны Церкви и государства³². Жестокие репрессии, последовавшие за сожжением духоборцами оружия на Кавказе в июне 1895 года и отказом от присяги и военной службы, были прямым вызовом всей толстовской философии ненасилия, его отвержению организованной Церкви, собственности и привилегий, основанных на классовой разобщенности общества и системе элитарного правления. Эти гонения, происходившие на общем фоне роста национализма и милитаризма того времени, вынудили Толстого еще более упорно настаивать на доктрине непротивления злу насилием как фундаментальном положении христианского учения.

Вмешательство Толстого в дела духоборцев в середине 1890-х годов не представляло собой ничего нового. И до и после он снова и снова выступал против преследования различных религиозных сект. Прекрасно был он осведомлен и о таких христианских пацифистах, как квакеры и меннониты. В эпоху почти поголовной воинской обязанности в России и Европе он выступал на стороне тех, кого их пацифистские убеждения вынуждали отказываться от службы в армиях своих государств, но никогда это не происходило с таким горячим интересом и напря-

женной активностью, как в случае с духоборцами³³. Во-первых, духоборцы пострадали в большем числе, чем любые сектанты в прежние времена (например, молокане или штундисты); кроме того, после сожжения оружия преследования стали настолько серьезными, что возникла угроза самой жизни некоторых духоборцев.

Однако важнейшим фактором, вызвавшим горячий отклик и активное вмешательство со стороны Толстого, была, несомненно, высокая степень общности между его философией и образом жизни духоборцев. Отчеты, предоставлявшиеся Толстому его последователями (известными как «толстовцы»), говорили о честном труде духоборцев, на котором была основана их жизнь земледельцев, об их общинной собственности, любви к Богу, которую они носили в сердце, их абсолютном отвержении войны, убийства и насилия, их готовности пострадать и принять гонения за правду. Все это было чрезвычайно близко сердцу писателя, который видел здесь практическое воплощение почти всего, чего сам он мечтал достичь и за что ратовал в своих работах.

Будучи прагматиком, Толстой искал практические примеры для иллюстрации теорий. В течение многих лет он рассматривал простую крестьянскую жизнь, и в духоборцах, как он полагал, ему открылся столь долгожданный наглядный пример. В особенности его привлекало то, что духоборцы, более чем кто-либо иной, соединяли свою крестьянскую жизнь с горячим стремлением следовать учению Христа, причем на практике еще активнее, чем на словах, в повседневной жизни даже более, чем в проявлениях религиозного культа. Иными словами, они казались Толстому идеальной иллюстрацией нераздельности духовной и практической сторон жизни.

Важный ключ к отношениям Толстого с этой сектой содержится в его письме к духоборцам на Кавказ от 20–21 августа 1897 г. Обещая финансовую помощь для переезда в Канаду, он просит в ответ продолжения их «духовной помощи» и поясняет:

«Помощь эта в том, что вы первые показываете пример хождения по пути Христову; задним легче, чем передним. Вы идете впереди, и многие благодарят вас за это... Многое хотел бы я сказать вам и узнать от вас»³⁴.

Это письмо проясняет отношения истинного единения между Толстым и духоборцами: их пример удовлетворял его потребность в подтверждении практического приложения его философии и в ответ он мог удовлетворить их нужду в сильном общественном заступнике, а также в финансовой поддержке. Духоборцы предоставляли один из возможных ответов на жизненно важный вопрос, который жгуче волновал Толстого в этот период: как может человечество преодолеть свою разъединенность, побороть насилие и прекратить пролитие крови, ведущие его по пути к бездне? Где может человек найти жизнеутверждающие принципы, способные преобразить нравственное состояние мира? Духоборцы, заключил Толстой, двигались в верном направлении, опираясь на свою веру в Бога Любви, исключая таким образом любые виды принуждения и насилия и утверждая Всемирное Братство как основной закон существования для всего человечества. Та любовь к Богу, которую они пестовали в себе, их честный труд на земле, их общественный быт, их абсолютное отрицание войны, убийства и насилия – все это, по мнению Толстого, было достойно сохранения и поддержки любым путем, какой только был ему доступен. Он даже однажды назвал духоборцев «людьми 25-го столетия»³⁵.

Противостояние милитаризму, столь свойственное Булгакову³⁶, в котором Толстой был полностью согласен с духоборцами, иллюстрируется в статье «Две войны» (1898), посвященной испано-американской войне за Кубу и Филиппины. Толстой противопоставлял эту жестокую и несправедливую войну продолжающейся «войне» духоборцев против всех войн, их

отказу нести воинскую повинность, убивать или готовиться убивать (что вскоре привело к переселению большого их числа в Канаду).

Различные российские секты, как известно, фигурируют не только в публицистических работах Толстого, но также в его художественных произведениях и в переписке³⁷.

Булгаков многое узнал об этой секте из произведений и общественной деятельности Толстого, из бесед с ним, из переписки с единомышленниками, благодаря личным контактам с духоборцами и писем духоборцев к нему.

Здесь я имею в виду значительное число писем от разных лиц, написанных Булгакову; например, письма от руководителя духоборческой общины П. П. Веригина (1881–1939) (РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 554), написанные в 1930–1933 годы (в них автор в первую очередь обсуждает положение духоборцев в Советской России, ищет содействия в переселении их в Канаду), а также письма литератора Г. Д. Гребенщикова (РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 616) 1933 года с описаниями жизни его и духоборцев в Калифорнии.

Особенно важным для понимания актуальных проблем духоборцев во всем мире являются 22 письма польского толстовца Иосифа Вигдорчика (Jozef Wigdorzcyk, ? – 1938) Булгакову, написанные в 1933–1935 годы (РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 558, 100 листов). Речь в них идет главным образом о преследованиях толстовцев в Польше и России. Вигдорчик включает в свои письма различные документы, касающиеся толстовского движения, описывает, что делается для помощи толстовцам, а также канадским духоборцам. Так, в письме от 2 марта 1933 года он пишет о тяжелом положении свободников, отказавшихся от военной службы в Польше, Прибалтике, Бресте.

Из письма от 23 декабря 1935 года: «Мной получены интересные вести из Канады, между ними и то, что Сыны Свободы объединились с духоборческой общиной в Канаде» (Л. 61). Здесь же прилагается копия обращения канадской духоборческой общины к Лиге Наций от 18 октября 1935 года и копия заявления, посланного свободниками министру просвещения Канады, об их отказе посылать своих детей в правительственные школы и т. д.

В июне 1931 года он встретил одну делегацию в городе Бремергафен в Германии и с большим удовольствием хлопотал о них перед властями «по вопросу о переезде всех оставшихся в России духоборцев в Америку». Вот что он пишет:

«Мы вместе с делегациями посетили неоднократно советское посольство на улице Унтерден-Линден, вместе сочиняли и отправляли прошения на имя Калинина и Сталина, беседовали со случайно наехавшим в то время в Берлин Луначарским, привлекли в качестве ходатаев за наше дело выдающихся представителей берлинской интеллигенции и других влиятельных европейцев. Под письмом, отправленным в Москву, стояли подписи: проф. Альберта Эйнштейна, Артура Голичера, Отто-Лемана-Руссбюльта (председателя германской лиги прав человека и гражданина), проф. Фр. Зигмунда-Шультце, ген. фон. Шенаиха, Романа Роллана, Виктора Маргерита, Жоржа Пиоша, Феннера Броквея, Георга Ленсбери и Дж. Кенворти. И затем ждали ответа на наше ходатайство.

В свободное время мы осматривали Берлин, посещали музеи и знакомились с представителями передовых общественных, религиозных и пацифистских организаций, в свою очередь проявлявших огромный интерес и исключительное внимание к милым заокеанским гостям...

Проживая с делегацией в Берлине в течение около трех месяцев я, разумеется, имел случай не раз подробно беседовать с членами делегации о жизни духоборцев в Канаде. И вот какая картина вырисовывалась передо мной на основании их простых и искренних братских рассказов»³⁸.

Булгаков рад, что духоборцы вступили в «Интернационал противников войны» (War Resisters' International), и выражает гордость, что он был одним из трех, подписавших письмо с

призывом к П. П. Веригину вступить в эту организацию³⁹. Он заканчивает свою статью одобрительными высказываниями о трех лозунгах духоборцев:

- «1. Труд и мирная жизнь.
2. Сыны свободы не могут быть рабами тления.
3. Благо всего мира не стоит жизни одного ребенка».

Вслед за Толстым он также, можно сказать, считает духоборцев «людьми 25-го столетия», у которых многому можно было бы поучиться, говоря в заключении своей статьи следующее:

«Лозунги всеобъемлющие, и пройдет, быть может, еще несколько столетий, пока все человечество научится воплощать всю жизнь в соответствии с требованиями, выраженными в этих лозунгах. Духоборцы стоят, быть может, ближе других людей к возможности такого пере- воплощения. На этом пути они должны объединиться⁴⁰, на этом пути и пожелаем им дальней- ших успехов!

Пожелаем также, чтобы более широкие круги цивилизованного общества присмотрелись ближе к поучительному примеру духоборцев и позаимствовали из этого примера то, что может помочь нам преодолеть сегодняшнее состояние всеобщего взаимного недоверия, озлобления, нужды, страха перед новыми социальными катастрофами, атавистического преклонения перед ореолом физической военной силы и мощи и кажущейся безвыходности.

На самом деле выход есть, и этот выход надо искать, подобно духоборцам, и в своем сердце, и в разумной, не братоубийственной, а мирной, кооперированной инициативе»⁴¹.

Неудивительно, что духоборцы обращались к Булгакову за поддержкой и неоднократно просили его прислать копию этой статьи. Можно лишь пожалеть, что ответные письма не известны, хотя, как мы знаем, он оставлял у себя копии своей корреспонденции.

В нашем распоряжении имеются 55 писем духоборцев к Булгакову, некоторые из которых были отобраны как наиболее значимые. Подавляющее большинство – это письма свободников. Как уже упоминалось, мы не смогли найти (если, конечно, они существуют) ответные письма Булгакова: ни здесь, в Канаде, ни в его архиве в России, где он, как правило, тщательно хранил копии всех своих писем. Как мы видим, Булгаков откликался на просьбы духоборцев, посылая им различные книги и брошюры и лично обращаясь к властям для облегчения их положения не только в России, но и в Канаде.

Письма духоборцев рассказывают об их проблемах с властями, их внутренних разногласиях и горечи разделения с основным направлением духоборчества, об их неизменной приверженности вере предков, их коллективном стремлении к равенству и замечательном трудо- любви.

Особо теплые чувства вызывает их любовь к родной стране, тем более что даже проше- ствие более трех десятилетий ни в коей мере не способствовало их интеграции в канадское общество.

Очевидно, что Булгаков пользовался огромным уважением среди духоборцев. Выраже- ния, которыми начинаются и заключаются письма, пронизаны большим чувством уважения: *дорогой брат во Христе, дорогой наш брат, уважаемый брат, дорогой друг и товарищ, мно- гоуважаемый секретарь дедушки Л. Н. Толстого, привет и низкий поклон, все неразделимо приветствуем вас, остаемся любящие вас, с братским приветом* и т. д. Письма публикуются нами в современной орфографии.

К сожалению, не обо всех упоминаемых в этих письмах лицах удалось обнаружить све- дения. Поэтому ряд имен приводится в указателе без подробных аннотаций.

А. А. Донсков

Часть I

В споре с Толстым. На весах жизни

Книга эта создавалась в процессе духовной борьбы со Львом Толстым – философом, влияние которого глубоко было пережито автором¹. Оно не изжито им и теперь; то благотворное, что было в этом влиянии, остается. Пути души увели, однако, автора от одностороннего спиритуализма и индивидуализма к более реалистическому, а в то же время и более гармоническому, «приемлющему мир» общественному жизнепониманию.

Книга написана была дважды. Первая, более полная и систематически разработанная ее редакция, равно как и все подготовительные материалы к ней, в том числе авторские дневники за много лет, сгорели в подожженном немцами доме, где они хранились, в г. Праге, в дни чешского восстания против немецко-фашистских оккупантов, в конце Второй мировой войны, в мае 1945 года². Читателю предлагается вторая редакция книги, возникшая в 1945–1949 гг., по освобождении автора из немецких тюрем и лагеря³. В нее внесена, по случайно сохранившимся в другом месте обрывкам черновой, только небольшая часть прежних мыслей. Все остальное написано вновь.

Автор

Ясная Поляна,
28 сентября 1957 г.

I. Нерушимое

Книга эта возникла в результате долгого внутреннего спора со Львом Толстым – мыслителем, влияние которого глубоко было пережито автором. Оно не изжито им и теперь; то благодетельное, что было в этом влиянии, остается. Пути души увели, однако, автора от одностороннего спиритуализма и индивидуализма к более реалистическому, а в то же время и более гармоническому, «приемлющему мир» общественному жизнепониманию.

Если вспомнить, какими путями шло мое духовное развитие, то сначала придется указать на увлечение Церковью, пережитое мною в детстве⁴. Увлечение это было искренним и чистым и дало мне много хорошего, но... в 15–16 лет пришло время разума, время более самостоятельных внутренних исканий, и православное, церковное миропонимание рухнуло. Наступила полоса атеизма, безверия, в которой я оставался до поступления в университет и которая была очень мучительна для меня.

В университете (в 1906–1909 гг.) я усердно принялся за изучение отвлеченной, метафизической философии – трудов Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, – но и тут скоро почувствовал глубокое разочарование и неудовлетворенность⁵. Кажется, я слишком «по-молодому», прямолинейно и непосредственно, подходил к запросам человеческого духа и к тем ответам, какие могла дать на них идеалистическая философская мысль. И ответы эти расхолаживали меня своей надуманностью, рассудочностью, отвлеченностью, мертвенностью. Все это, казалось, годилось разве только для того своеобразного жонглирования понятиями, формулами и терминами, которыми упивались тогда многие из наших старых и молодых «философов», профессоров и студентов, причем первые из них иной раз откровенно подчеркивали как раз *относительное*, а не абсолютное значение провозглашавшихся ими гипотез и умственных построений.

Но если истины метафизики, – говорил я себе, – имеют лишь субъективное значение для их творцов, да еще (по мысли Фихте) для тех, кто, «по своим личным свойствам», остановит свой выбор на той или иной философской системе; если проф. Челпанов может в своем «Введении в философию» с наивной откровенностью заявлять о каком-нибудь Вундте, что «его построение в настоящем десятилетии может удовлетворять, тогда как, может быть, в следующем десятилетии его придется переработать», – то какая же *абсолютная, неизменная* цена такому знанию «основы всех вещей»?!⁶

Обманутый в своих ожиданиях и официальной религией, и официальной наукой, я был как человек, брошенный на дно пропасти, перед которым убрали сначала одну, а потом и другую лестницу, сулившую ему надежду на спасение, и которому оставалось только впасть в полное отчаяние. Из этого положения вывел меня Л. Н. Толстой, показавший мне новый путь: путь религии разумной, религии, отказавшейся от суеверия, от всяких произвольных метафизических построений, от обожествления Иисуса, от храмов, обрядности, церковной организации и всякого культа⁷. И отойдя сейчас во многом от Толстого, я этого основного пути – разумно-религиозного пути – не покидаю до сих пор. Оттого-то, несмотря ни на что, в том числе и ни на все то, что дальше будет сказано в этой книге о Л. Н. Толстом и отдельных сторонах его учения, я не перестаю чувствовать и сознавать живую внутреннюю связь с ним.

Как определял Толстой религию?

«Религия есть такое, согласное с разумом и знаниями человека, отношение его к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его с этой бесконечностью и руководит его поступками»⁸.

И я не знаю другого, более точного определения сущности религии. Основа – связь конечного (человека) с Бесконечным (Богом). Еще не говорится, как устанавливается это отношение, но указывается на его необходимость.

Обычно утверждается, что религия родилась вследствие страха перед неведомыми высшими силами или из страха перед несчастьем, перед одиночеством и беспомощностью, сплошь да рядом постигающими человека, особенно в капиталистическом обществе. Будто ими она и поддерживается, так что при изменении к лучшему социального строя потребность в религии будто бы должна исчезнуть. Но мне кажется, что тут, во-первых, смешиваются понятие культа и понятие религиозного сознания, что отнюдь не одно и то же, а во-вторых, не по праву игнорируется и забывается чисто личный, внутренний, не зависящий от внешних обстоятельств мотив, питающий религиозное чувство. Человек в глубине своей души, в каком-то таинственном, но тем не менее определенно существующем внутреннем источнике всего высокого и доброго черпает нужные ему силы и вдохновение на труд и борьбу. И старый, и молодой, и бедняк, и зажиточный почерпают из этого источника волю и мужество, любовь к людям и стремление к добру. Там же они шлифуют и укрепляют свою совесть, этот могучий орган нравственной жизни. Тут дело не в той или иной помощи и поддержке практического характера, которую человек может или не может получить. Значение психологической опоры, оказываемой религией (в лучшем смысле этого слова), еще важнее. Это – как солнце, которое дает свет и тепло человеку, уставшему и замерзшему среди тяжелой и суровой иногда действительности. Это – как всеочищающая и обновляющая силы купель. Шатер, под которым всегда можно укрыться от непогоды. Нечто нематериальное и тем не менее важное и для материального существования человека, поскольку дух и тело наши неотделимы.

Может быть, это – не Бог, а наше «я»? Может быть. Но «я» это – одно во всех, как говорил Толстой. Потому-то бытие этого «я» и приобретает характер неопровержимой закономерности, причем все мы чувствуем, что это – только окно или дверь куда-то, что, углубляясь в это «я», мы идем ко всеобщей и единой духовной основе, которая... нуждается в имени, которую мы и называем: Бог, Dieu, Gott, Аллах и т. д. Пусть это будет только наше воображение, но мы не можем не сознавать его огромной служебной роли. «Воображение» это поистине является для нас, в нашей духовной жизни, компасом, рулем, путеводной звездой. Мы все непосредственно связаны с этим высшим началом, все обращаемся вокруг него, как лошади на кордоне вокруг центра круга, где стоит кто-то, кто держит конец корды. Вот что есть «религия», связь! А уж отсюда выводятся потом и все остальные ее заветы: любовь, чистота, правдивость, самоотверженность, честность, доброта и т. д.

Как решается при этом проблема гносеологии?

Мы не можем себе представить бесконечности в пространстве. «Мир должен где-то кончиться, но он не кончается, – как же это так?»

Мы не можем себе представить бесконечности во времени – ни в прошедшем, ни в будущем. «Мир когда-то начался. А что было до этого начала? Что-то должно было быть!» Или: «Допустим, что мир когда-то кончится. А что будет после?»

Ответов нет. Но так как бессмыслицы в существовании и устройстве мира быть не может, то для нас легче легкого – прийти к тем выводам, которые *относительно пространства и времени* сделал Кант⁹ и принял Толстой, т. е. что это – только формы нашего восприятия мира. Проблема гносеологии поставлена, таким образом, не напрасно. За нею возникает и проблема метафизики, но... быть может, только для того, чтобы убедить нас в ограниченности наших познавательных средств. Мир, в котором мы живем и действуем, мы знаем хорошо, и практически правы те мыслители, которые предлагают нам признать объективную реальность эмпирического знания: ведь другого знания у нас и быть не может. Все, что «мета», – все, что по ту сторону открытого нам мира, – безнадежно закрыто для нас.

И Толстой проявил большую мудрость, отказавшись следовать за метафизиками в их произвольных гаданиях о «природе всех вещей». Ни у него, ни у меня тут нет расхождений и с философами-материалистами.

Так что даже не нужно серьезно спорить против суеверных представлений Церкви о Боге как личности, о Боге – главном администраторе мира и то добром, то сердитом хозяине и папаше (ироническое выражение А. В. Луначарского) всех людей. Не стоит также трудиться доказывать, что не этот «папаша», не церковный Бог создавал мир, лепил из глины Адама и т. д. – и излагать, в опровержение подобного рода давно обветшавших суеверий, материалистическую историю зарождения человека и зарождения и развития человеческого общества.

Все отлично знают в наше время, что Адама¹⁰ не было и что мир и живая жизнь в нем развивались по Дарвину, но большинство простодушных людей не откажется от идеи Бога уже потому только, что этот ярлычок можно наклеить на ящичек, в котором спрятана тайна первопричины всех причин. А также потому, что люди не хотят опустошать и сушить свою душу, закрывая для нее внутренний источник духовного питания и удовлетворения духовной жажды. Человек и в самом деле был бы обеднен, если бы ему запретили обогащаться изнутри, запретили самообогащаться, углубляясь в свою психологию, в свой дух, просторы и владения которых бесконечны и ничем не ограничены. И если бы еще эти просторы были бесстержневые, бесцентренные, – может быть, человек ими менее дорожил бы. Но он чувствует, сознает и видит этот стержень, этот центр и путь к нему в своей внутренней жизни, знает, что он силен только пока держится за этот стержень, и потому-то сохраняет свою внутреннюю жизнь от всяких попыток расстержнить, опустошить и обезличить ее. «Бог», «религия» – это только слова, их можно заменить другими (хоть «кустом», как выразился однажды при мне Лев Толстой), но человеку дорого то, что за ними скрывается.

Блестящее изложение той же мысли о ценности и религиозном смысле глубочайших и высших духовных переживаний нахожу, несколько неожиданно, у великого французского романиста Виктора Гюго.

«Молиться Богу – что это значит? – спрашивает он. – Существует ли какая-нибудь бесконечность вне нас? Едина ли она, перманентна, имманентна ли? Непременно ли субстанциональна, поскольку она бесконечна, и была ли бы она ограниченной там, вне нас, не обладая субстанцией? Непременно ли разумна, поскольку она бесконечна? Пробуждает ли в нас эта бесконечность идею сущности мироздания, в то время как мы сами себе можем приписать только идею личного существования? Иными словами, не является ли она абсолютным понятием, по отношению к которому мы – лишь понятие относительное?

И нет ли, одновременно с бесконечностью вне нас, другой бесконечности, внутри нас самих? Не наслаиваются ли эти две бесконечности (какое страшное множественное число!) друг на друга? Не лежит ли, так сказать, эта вторая бесконечность под первой? Не является ли она зеркалом, отражением, отголоском, бездной, имеющей общий центр с другой бездной? Обладает ли эта вторая бесконечность разумом, как первая? Мыслит ли она? Любит ли? Желает ли? Если эти обе бесконечности одарены разумом, то у каждой из них есть волевое начало и есть свое “я” как в высшей, так и в низшей бесконечности. Это низшее “я” – душа; это высшее “я” – Бог.

Мысленно приводить в соприкосновение низшую бесконечность с высшей и значит молиться.

Не будем ничего оспаривать у человеческого духа; упразднить – дурно. Следует преобразовывать и преображать. Некоторые способности человека направлены к Неведомому: мысль, мечта, молитва. Неведомое – это океан. Что такое сознание? Это компас в Неведомом. Мысль, мечта, молитва – могучее свечение тайны. Будем уважать их. К чему тяготеет это величественное лучеиспускание души? К мраку; то есть к свету.

Величие демократии заключается в том, чтобы ничего не отвергать, ничего не отрицать у человечества. Наряду с правом Человека – по меньшей мере, возле него – стоит право Души.

Сокрушить фанатизм и благоговеть перед бесконечным – таков закон. Не будем ограничиваться тем, что, коленопреклоненные перед древом мироздания, мы созерцаем его несметные разветвления, униженные светилами. У нас есть долг: трудиться над душой человеческой, защищать тайное от чудесного, чтить непостижимое и отвергать нелепое, допускать в области необъяснимого лишь необходимое, оздоравливать верования, освобождать религию от суеверий: уничтожать все, что паразитирует во имя Бога»¹¹.

Для меня Бог – это не существо, не личность, а высший смысл, проникающий все живое, высший, непреложный закон бытия и высший нравственный закон в душе человека.

Связь между человеком и Богом – нерасторжима.

«Тот глаз мой, которым я вижу Бога, есть тот самый глаз, которым Бог видит меня», – утверждал немецкий поэт, мистик и пантеист XVII столетия Ангелус Силезиус¹², мы согласны с ним.

Но можно ли молиться Богу? Мы уже видели, что разумел под молитвой Виктор Гюго. Толстой, совершенно отрицавший «просительную» молитву (избавь от болезни! помоги выдержать экзамен! и т. д.), молился в том смысле, что старался нащупать внутреннюю опору в своей душе. Иногда при этом он говорил: «Я молился Богу, – конечно, тому Богу, который во мне».

Религия рационалистическая, свободная, в противоположность мистической, церковной, полна реального, жизненного, прогрессивного значения.

Вот в каких пророческих словах рисует это значение Л. Н. Толстой:

«Религиозное сознание нашего времени в самом общем практическом приложении его есть сознание того, что наше благо, и материальное, и духовное, и отдельное, и общее, и временное, и вечное, заключается в братской жизни всех людей, в любовном единении нашем между собой. Сознание это выражено не только Христом и всеми лучшими людьми прошедшего времени и не только повторяется в самых разнообразных формах и с самых разнообразных сторон лучшими людьми нашего времени, но и служит уже руководящей нитью всей сложной работы человечества, состоящей, с одной стороны, в уничтожении физических и нравственных преград, мешающих единению людей, и, с другой стороны, в установлении тех общих всем людям начал, которые могут и должны соединять людей в одно всемирное братство»¹³.

Это мужественный Сорель в «Красном и черном»¹⁴ Стендаля мечтает перед казнью:

«Ах, если бы на свете существовала истинная религия!.. Если бы встретился настоящий духовный пастырь, такой, как Массильон или Фенелон... Тогда бы души, наделенные способностью чувствовать, обрели бы в мире некую возможность единения... Мы не были бы так одиноки... Этот добрый пастырь говорил бы нам о Боге. Но о каком Боге? Не об этом библейском Боге, мелочном, жестоком тиране, исполненном жадой отмщения... но о Боге Вольтера, справедливом, добром, бесконечном...»¹⁵

Понятие «библейского Бога» – мертво для большинства человечества. Это большинство, как Сорель, может верить только в «Бога Вольтера», Бога Толстого.

II. Дух и материя

Соглашаясь с Л. Н. Толстым в определении религиозной основы жизни, я расхожусь с ним по целому ряду вопросов как личного, так и общественно-государственного и культурного строительства.

Корни расхождений уходят в различную оценку значения и взаимоотношений духовной и материальной стороны человеческой личности, человеческого существования.

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими – досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь.

То, что Алексей К. Толстой относил к борьбе станов в *политической* области, может быть отнесено и к борьбе станов в области *философской*, а именно: к нескончаемому спору приверженцев материалистического и спиритуалистического воззрений на человека и жизнь.

Спор этот, по существу, мог бы и должен был бы быть сведен к вожденной, объективной, всепримиряющей правде: правде о *психофизическом монизме*¹⁶.

При всем уважении к духовной стороне человеческой природы и к духовным запросам человека, и при наличии религиозного взгляда на жизнь, мы не можем все же не понимать и не видеть, как тесно психология человека и все явления духовной жизни связаны с материальной, телесной стороной его существования. Не замечать, не видеть телесной стороны нашего существа, игнорировать ее реальность и значение могут только люди, уклонившиеся в крайность философского спиритуализма, и христиане, «не приемлющие мира», поставившие перед собой искусственно надуманный идеал отречения от «внешней» жизни, идеал монашества. Этому идеалу в церковном христианстве соответствует идеал отречения и в буддизме идеал нирваны. Можно понять возникновение этого идеала на Древнем Востоке, среди наивных и фанатических приверженцев новых, обращающихся к духу учений, можно понять, что, распространяясь на Запад, учение об этом идеале захватило и тут определенные круги церковников, богословов и философов-идеалистов, но оставаться в наше время, поддаваясь суеверию и не считаясь с требованиями реальной, здоровой жизни, на позициях спиритуализма и «презрения к плоти», является поистине признаком большой отсталости. Тем удивительнее, что столь исключительно одаренные люди, как Л. Н. Толстой, становятся на эти позиции и, проповедуя дух, демонстрируют в то же время свое отрицательное отношение ко всей материальной стороне жизни, к телу и телесным требованиям вообще. Их мечта – избавиться как можно скорее от «плена» телу и – освободившись от тела – погрузиться в царство Духа, хотя никто еще не видел *дух* и *тело* разобщенными и существующими самостоятельно друг от друга, а те «подвиги духа», которые мы ценим, совершены были все существами, облеченными в телесную оболочку. Можно требовать напряжения духа и преобладания его над телесным началом в нашей жизни, но нельзя утверждать, как это делают Л. Н. Толстой, его последователь философ П. П. Николаев и др., что существует *только духовное* (!), а телесное является едва ли не плодом лишь нашего воображения. Во всем этом есть не только какое-то неуважение к человеку, но и к существующему независимо от нашей воли мировому порядку. В этом есть также упорная и систематическая, хотя, может быть, не столько безнравственная, сколько болезненная ложь самому себе: воспитание себя в таком духе, чтобы уметь видеть – и не видеть, – видеть и не видеть того, что ясно каждому мальчику: что духовная жизнь в нас развивается в постоянной взаимозависимости с телесной и что мы – не только духовные, но и телесные существа.

Духовное и телесное в природе человека и в природе всего живого не существуют отдельно одно от другого. Они представляют только разные стороны одного и того же явления. Они – слитны и нераздельны, – *разделение* обозначает *смерть*. Нельзя воспитывать духовное, пренебрегая телесным. И наоборот. Только гармоническое развитие духовного и телесного дает идеальное воплощение человека, тогда как односторонность в воспитании и развитии несомненно ведет к уродливым и аномальным, отрицательным типам homo sapiens: ни профессиональный боксер, ни монах идеалом человека считаться не могут, – в первом спит душа, у второго подавлено и скомпрометировано тело.

Средневековье было реакцией против века варварства и язычества. Ренессанс протестовал против односторонне-спиритуалистического направления Средневековья. Новое время должно выправить этот спор, ориентируясь на идеал эллинский или на разум.

Надо засыпать пропасть между духовным и телесным. Надо восстановить или создать заново идеал человека, развитого гармонически и равномерно, открывающегося духу и не презирающего тела. Надо установить основы нового – не духовного и не материалистического, а духовно-материалистического мирозерцания. Надо установить принцип единства духовного и материального начал, принцип психофизического монизма.

* * *

Я вижу, что мое духовное, Божеское, сознающее себя «я» чудеснейшим и таинственнейшим образом соединено со стихией материальной, телесной. В конце концов, я-то, я – только продукт этого соединения. В этом отношении я представляю собою что-то совершенно особенное, ни на что другое не похожее, своеобразное и имеющее свои особенные задачи и цели во всеобщем бытии. Это и есть *человек*.

* * *

Еду в вагоне, вместе с экскурсией школьников под руководством учителя.

Дети – очень дружелюбны. Один из мальчиков подарил мне две ветки любимого мною жасмина...

Но вот между детьми завязывается философский спор. Тема: животное ли человек?

Один, очень милый и пытливый, бедно одетый мальчуган-заика лет двенадцати, отстаивает тезу: человек – животное. Другой мальчик, его оппонент, спрашивает:

– А почему человек ест ложкой?

Этот «сильный» довод приводит «материалиста» в затруднение.

Мне хочется вмешаться в спор, и я подзываю первого мальчика:

– Ты знаешь, что человек – животное?

– Да, знаю!

– А как ты думаешь: животное знает, что оно – животное?

– Нет, не знает.

– Вот! Так ты об этом подумай!

И я объясняю мальчику, что, хотя тело человека устроено так же, как тело животного, но по своей духовной сущности человек, обладая сознанием, мыслью, совестью, животным уподоблен быть не может.

– Если, например, человек скажет глупость, то ему стыдно. А животному ничего не стыдно!

– Значит, человек – полуживотное?

– Если хочешь, да.

Дети, прослушав этот разговор, бегут советоваться с учителем. Учитель, человек лет 35-ти, издали поглядывая на меня и дружески улыбаясь, что-то объясняет ребятам. Увлекаясь, жестикулирует, размахивает руками.

Ребята опять бегут ко мне – с новым вопросом:

– А вот бобр – животное? И, однако же, он настолько разумен, что сам себе строит жилище! Что вы на это скажете?

– Это верно, что бобр – разумное животное и сам себе строит жилище, но все-таки ему далеко до человека! Подумайте, человек не только мыслит, но и записывает свои мысли, сочиняет стихи, повести и рассказы и издает собрания своих сочинений, а бобр ни писать, ни издавать собрание своих сочинений не может и не умеет!..

Опять – проблема. Дети, задумываясь, медленно отодвигаются к учителю и больше ко мне уже не возвращаются.

А я сижу, восхищенный разумом и пытливостью советских ребят.

В. Э. Мейерхольд рассказывал:

– К юбилею Павлова я послал ему телеграмму, в которой несколько легкомысленно написал, что приветствую в его лице человека, который, наконец, разделался с такой таинственной и темной штукой, как «душа». В ответ я получил от Павлова письмо, в котором он учтиво поблагодарил меня за поздравление, но заметил: «А что касается души, то не будем торопиться и подождем немного, прежде чем что-либо утверждать»¹⁷.

* * *

С точки зрения материализма, люди – только ожившие кусочки материи. Сегодня живу, завтра меня нет, – и это – навсегда, навеки.

Однако этот живой кусочек материи сознает себя, мир, углубляется мыслью в звездное небо, в прошлое и будущее человеческого рода, создает не только материальную культуру, но искусство и даже... философию, религию.

Как это может быть?

Кто мыслит в кусочке материи? Сама материя, хотя бы и «ожившая»? Нет, сама материя мыслить не может. Но то, что *живет* в ней, мыслит.

Что же это такое? Это – родившийся *духовный человек*. Он не материален, но живет и существует *в связи с материей*, в *постоянной* связи с материей и *только в связи* с нею. Это – аэростат на привязи. Но все же «духовный человек» живет *своей, особой* жизнью – и жизнь эта часто бывает фантастичной и необыкновенной. «Духовный человек» умеет мыслить, страдать и наслаждаться независимо от тела, от того состояния, в котором оно находится.

«Духовный человек» может быть умным и глупым, добрым и злым, лживым и правдивым. Отчего это? Ведь не свойства же это *материи*, с которой он связан!

«Духовный человек» может управлять государством, быть вождем народов. Но... как может этого добиться только «оживший кусочек материи»? Как? А главное: зачем?!

Дух поистине живет как бы своей жизнью. И приходится все-таки нам, «ожившим кусочкам материи», как-то *выделять* и *уважать* его, а подчас *слушаться* его и *идти за ним*. Мы говорим: «Лев Толстой» – и головы миллионов других «оживших кусочков материи» почти-тельно склоняются. Мы говорим: «Ленин»... И сердца людей, т. е. «оживших кусочков материи», бьются горячее и влекут их вперед, на борьбу с другими «кусочками» – *паразитами*, на борьбу за «равенство», «справедливость» и лучшее устройство жизни.

И вот нам кажется, что «кусочки материи», поскольку они одухотворены, стали уже чем-то другим, а не только материей. Стали *двудеиной, духовно-материальной субстанцией*. И пока субстанция эта живет, она находится в обладании всех данных для деятельности, всесторонней инициативы, любви, борьбы и победы. Со смертью тела кончается и духовная жизнь этого дву-

единого существа. Живут только те, кому оно передало свою жизнь, и телесную, и духовную: дети. И так этот род двуединых, *духовно-материальных* существ не кончается, – возможно, развивая в новой жизни лишь то, что им проявлено было в момент своего рождения.

Глаза... У материи открылись глаза. Вот что важно! И из глаз *что-то* глядит. Это прячущееся за глазами «что-то» есть наше «я». Оно-то и является выражением тайны жизни, которая остается все же закрытой для «кусочка материи».

* * *

Выдвигая нравственное значение психофизического монизма, я воздерживаюсь от сознательного подчеркивания метафизического и гносеологического смысла этой проблемы. Легко было бы провозгласить вслед за убежденными представителями материалистической философии, что материя, представляющая объективную реальность, существует независимо от нашего сознания, первична по сравнению с этим сознанием, потому что она является источником ощущений, представлений и самого сознания, тогда как сознание, будучи отображением материи, вторично, производно. Но я не выдвигаю этого утверждения, боясь быть вовлеченным в спор метафизический. Напротив, психологический и моральный смысл проблемы психофизического монизма открывается мне с полной ясностью вне той или иной метафизической, гносеологической его оценки, которую я отбрасываю прежде всего потому, что оценка эта не может иметь в моих глазах непреложного, положительного значения, значения безусловной истины.

* * *

Д. И. Писарев считал основоположником философского идеализма, а тем самым и спиритуализма, Платона. Учение Платона, ложное по существу, имело глубоко отрицательное значение в истории мысли. «Галлюцинация Платона дошла до того, что он верил в действительное существование идеи отдельно от явления... Зерно аскетизма и вражды к материи было брошено; в эпоху римской империи оно разрослось в учение пифагорейцев и новоплатоников и, опираясь на Платона, принесло человечеству обильный плод добровольных заблуждений и бессмысленных самоистязаний».

Писарев не упоминает почему-то о христианстве или о *павликианстве*, как называл Толстой извращение христианства в учении ап. Павла. Создав культ Воскресения Христа, Павел обильно засеял христианское сознание и целым рядом других суеверий, играя безответственно на спиритуализме и на признании греховности плоти в отличие от самостоятельно существующего духа. Не исключено, что и он находился под влиянием новоплатоников, но энергично распространявшаяся им вера в едиnorodного Сына Божия-Искупителя, «страдавша и погребенна и воскресшего в третий день по Писанием...»¹⁸

* * *

Для Л. Н. Толстого противоположение духовного и физического имело не только условное, символическое значение, каковое может быть принято всяким. С этого *условного* противоположения духовного и физического у него, как человека жизни, человека всеобъемлющей души, человека единого, полного восприятия мира, может быть, «началось». Он оттолкнулся от грубого мира физического, чтобы укорениться в мире духовном, что нам тоже понятно. Но далее это постоянное и систематическое отталкивание повело не только к принижению, обесценению в глазах Толстого явлений внешнего мира, но – и это главное – к тому, что он уже

начинает представлять себе существование мира духовного и физического как нечто раздельное, могущее иметь место вне взаимной связи. И вот тут-то, с нашей точки зрения, и подстерегает Льва Николаевича ошибка. Вот тут-то трезвость мысли и тонкое чутье изменяют ему. Вот тут-то философская, метафизическая схема забирает в плен его, иначе не поддающийся никаким соблазнам, гордый и смелый, прямой и могучий ум.

Есть одно высказывание у Толстого, которое разительно и резко, в несколько даже гротескной форме, подчеркивает сущность этого его нового «сознания», его односторонне-спиритуалистического мировоззрения и тем самым отчетливо характеризует всю суть и всю неизбежность нашего расхождения с ним.

В 1909 г. все ожидали каких-то необыкновенных последствий от предсказанного астрономами появления кометы Галлея. Говорили, что комета заденет и уничтожит Землю или что в сопровождающей ее ядовитой атмосфере могут задохнуться все люди и т. д. Находившийся в ссылке в Пермской губернии бывший секретарь Льва Николаевича Н. Н. Гусев запросил Толстого, как он относится к подобным предположениям, и Лев Николаевич ответил Гусеву 14 января 1910 года:

«Мысль о том, что комета может зацепить Землю и уничтожить ее, мне была очень приятна. Отчего не допустить эту возможность. А допустив ее, становится особенно ясно, что все последствия материальные, видимые, осязаемые последствия нашей деятельности в материальном мире – ничто. Духовная же жизнь так же мало может быть нарушена уничтожением Земли, как жизнь мира – смертью мухи... Мы не верим в это только потому, что приписываем несвойственное значение жизни вещественной».

Мысль – оригинальная, форма ее выражения – неожиданная, парадоксальная и, можно даже сказать, блестящая. Ну, а ее суть? Ручательство со стороны «человеческого червя» (Достоевский), что какая-то, где-то «духовная жизнь» существует и будет существовать сама по себе, хотя бы одно из видимых проявлений ее – весь земной шар со всеми его обитателями – и был уничтожен, да еще с подчеркиванием, что для духовных судеб мира уничтожение это имело бы всего лишь цену смерти мухи, – неужели ручательство это и на самом деле уместно, достаточно, серьезно, убедительно, объективно?

Характерно, впрочем, что мысль, высказанная в письме к Гусеву, была до некоторой степени опорочена самим Толстым, и об этом, во имя объективности, я не хочу умолчать. Гусев сообщил письмо Льва Николаевича газетам. Газеты с письмом пришли в Ясную Поляну¹⁹, и тут оно однажды прочитано было вслух в присутствии Льва Николаевича. Мне показалось, что он слушает его без особого удовольствия, а когда один из присутствующих довольно неудачно заметил, что печатают все, что бы ни написал Толстой, Лев Николаевич произнес:

– Да, это так трудно! Так часто: напишешь свойственные мне глупости, и все это попадает в печать...

Может быть, и в самом деле великий Толстой почувствовал в этот момент излишнюю самоуверенность, схематичность, наджизненность, фальшь и натяжку в содержании своего утверждения о самостоятельном, раздельном существовании духовного и физического начал, как это утверждение высказано в письме о проблематических последствиях разрушительных действий кометы Галлея?

Конечно, я далек от мысли «поддавливать» учителя на каком-то одном, неудачном выражении. Дело в том, что вдруг открывшееся до конца в рассуждении о комете Галлея умонастроение Л. Н. Толстого свойственно ему было по существу и вообще и что из этого же именно, с моей точки зрения, предвзятого и одностороннего умонастроения вытекал и ряд других, часто тоже удивляющих своей искусственностью и односторонностью, утверждений яснополянского мыслителя, – утверждений, стоящих при этом в очевидном противоречии с творчеством Толстого как художника: в самом деле, автор «Казаков», «Войны и мира», «Анны Карениной», «Хаджи-Мурата», «Воскресения» и множества других гениальных созданий никакой решимости

тельно односторонности и узости взгляда не проявляет. Напротив, художественное творчество его полно глубокой жизненности, правдивости, цельности чувства, гармонии и человечности в лучшем значении этих слов.

Всюду и везде в философских сочинениях, дневниках и письмах двух последних десятилетий своей жизни Лев Николаевич подчеркивает исключительное, единственное значение духовного начала и всячески снижает и опорочивает начало телесное. Он восстает против половых отношений мужчины и женщины как чего-то грязного и порочного. Проповедует воздержание в пище – для ослабления тела. Он сердится даже на докторов – за то, что они дают человеку надежду на продолжение телесной жизни (духовная жизнь существует сама по себе!). Он отрицает какой бы то ни было уход за телом и заботу о здоровье. Все грехи и соблазны имеют своим источником телесное начало. Истинная жизнь – духовна, а ее единственное призвание – постоянная, не утихающая борьба с телом. В жизни этот идеал недостижим, но именно в смерти совершается наконец то, к чему человек всю жизнь стремился: освобождение от тела и от власти тела.

То же самое проповедовали православные монахи.

То же самое проповедовали буддисты.

То же самое проповедовали католические монахи-трапписты²⁰, ненавидевшие свое тело и внешнюю, материальную жизнь.

Но... сотни миллионов других людей упорно и упрямо жили всё же и духом, и телом. Ели мясо, пили вино, женились и рожали детей, строили дома, фабрики и дороги, участвовали в хозяйственной, в общеполитической и в общекультурной жизни своих стран, путешествовали, болели, лечились у докторов – хирургов, терапевтов и зубных врачей, выздоравливали и снова принимались за работу...

Может быть, они и неправы, и их жизнь не столь величественна, как жизнь Толстого и других «праведников». Но зато они – все, а те – единицы.

Они – *стихия*, а те – *рассудок*, да еще подчас узкий или больной рассудок.

Они – *закон*, а те – *исключение*, обычно – ничтожное количество.

Одни – мучают себя расхождениями между духовными требованиями и телесными инстинктами, а другие живут полным и радостным круговоротом духовно-материальных существ – в духе психофизического монизма.

За кем пойти?

Да этого даже и решать не нужно!

Волна жизни рано или поздно унесет вас в общежитейское море. Зато в нем держитесь бодро, хорошо и разумно!

* * *

Перелистывая «Подражание Христу»²¹, подумал: великий и чистый Фома и вообще монах всегда противопоставляет жизнь монастырскую жизни «в *миру*». И так, жизнь «в миру», собственно, не отрицается, факт ее остается. Но только она – жизнь «в миру», и живут ею миллионы или, проще говоря, все вообще люди, а монашеская, отшельническая жизнь идет сама по себе, вне мира, в уединении, в скиту, в монастыре, и живут ею единицы. Sapienti sat²².

* * *

Зашел ко мне М., евангелический проповедник. Спрашивает, в чем именно расхожусь я с Толстым. Я уклонился от ответа, не был готов к вопросу. А пришлось бы отвечать коротко

так: «я становлюсь на защиту прав плоти». Но ведь он пришел бы в ужас, если бы я так просто и сказал. Ведь это – «измена Христу», «измена духу», «измена Богу»!

Но, может быть, Бог-то и проявляется в телесном? Недаром указывал Мальбранш, что мы не имеем права причислять Божество к духовным инстанциям на том только основании, что мы не знаем ничего более совершенного, чем наш дух²³.

* * *

Бог? Это – высший закон жизни, это – высший нравственный закон, это – мои лучшие, самые высокие, самые глубокие и мощные силы. Такие же силы – налицо в других людях. Они присутствуют и во всем мире. Ими он живет, из них растет, из них все снова возрождается и обновляется. И не ясно ли, что источник, корень этих сил, *Бог-дух* или *Бог-материя*, один и тот же?

* * *

Вот то-то, что перед нами лежит задача, состоящая буквально в том, чтобы «примирить Небо и землю». Они издавна, – со времен Средневековья, во всяком случае, – находятся в неестественной, непримиримой вражде и борьбе между собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.